

Сибирскіе

№№ 37—38.

Вопросы

8 ноября 1908 г.

Въ 1908 г. „Сибирскіе Вопросы“ выходятъ еженедѣльно въ размѣрѣ около трехъ печатныхъ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Къ обсужденію въ Государственной Думѣ законопроекта земства въ Сибири. . . *С. Катунскаго.*
- II. Землепользованіе въ переселенческихъ участкахъ Степного края *Л. Чермака.*
- III. Буряты по даннымъ переписи 1897 г. *И. Серебренникова.* ✓
- IV. Забытые *С. Рыбакова.*
- V. Осѣдлое или кочевое племя якуты? *Э. Пекарскаго.*
- VI. Сибирь въ смѣтѣ св. синода на 1909 г. *М. В.*
- VII. Русскія поселенія въ глубинѣ Степного края (Окончаніе). *И.*
- VIII. Новый разгромъ просвѣтительныхъ учреждений *Л.* ✓
- IX. Сибирскія письма (Туринскій уѣздъ).
- X. Касающіеся Сибири правительственные законопроекты, внесенные въ Государственную Думу.
- XI. Изъ портфелей сибирскихъ депутатовъ.
- XII. Сибирскіе депутаты въ Государственной Думѣ.
- XIII. Письмо въ редакцію.
- XIV. Хроника.
- XV. Русская жизнь.
- XVI. Иностранная жизнь.
- XVII. Библіографія.
- XVIII. Объявленія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1908.

Землепользованіе въ переселенческихъ поселкахъ Степного края.

Цѣль настоящей статьи показать, какъ складываются по земельныя отношенія переселенцевъ изъ Евр. Россіи въ Зауральѣ, на новыхъ земляхъ, и въ частности ихъ отношеніе къ общинной и подворной формѣ. Мнѣ кажется, что это тѣмъ болѣе интересно и важно, что среди переселенцевъ имѣются представители чуть-ли не всей Россіи, различнаго языка, различныхъ нравовъ, обычаевъ, степени культурности. Здѣсь, въ Зауральѣ, они перемѣшиваются, и бываютъ случаи, когда въ одномъ поселкѣ имѣются представители 2—3 десятковъ губерній изъ разныхъ концовъ Россіи. Матеріалъ, находящійся у меня, охватываетъ 208 переселенческихъ поселковъ 8-ми уѣздовъ 3-хъ областей, съ населеніемъ почти въ 1.500.000 душъ обоюго пола. Ко времени изслѣдованія—1896—1901 г.—иные поселки насчитывали уже 2 и болѣе десятковъ лѣтъ существованія, иные только что образовались.

Я долженъ оговориться, что ниже, говоря о *владѣніи* земель, я беру его въ условномъ смыслѣ, ибо по закону земля, на которой устраиваются переселенцы, принадлежитъ казнѣ, а переселенцы, до изданія новаго закона, являются лишь наслѣдственными пользователями ея, за уплату извѣстнаго оброка. Значить, говоря о подворномъ или общинномъ владѣніи, я буду разумѣть собственно формы общиннаго или подворнаго пользованія землею, наблюдаемыя въ томъ или иномъ случаѣ.

Итакъ, прежде всего мы наталкиваемся въ Зауральѣ на отсутствіе частнаго права на землю. Землею можно пользоваться, но не распоряжаться,—ее нельзя ни продать, ни подарить другому. Этого права лишены переселенцы. За ними оставлено только право пользованія, т. е., пожалуй, меньше чѣмъ то, что принадлежало чиншевику въ Западномъ краѣ, который могъ учесть въ свою пользу, при передачѣ участка другому, разницу въ стоимости земли прежде и теперь. И тѣмъ не менѣе на этихъ земляхъ, представляющихъ государственный фондъ, устраиваются, и довольно прочно, и

малороссы, и литовцы, и выходцы ихъ прибалтійскихъ и юго-западныхъ губерній, которые, якобы, не могутъ мириться съ неполнымъ правомъ на землю. Здѣсь они мирятся съ этимъ, сживаютъ, и если успѣваютъ создать себѣ благосостояніе, то не думаютъ о возвратѣ на родину, гдѣ господствуетъ частное право на землю.

Какъ же пользуются землею здѣсь, въ области государственнаго земельного фонда?

Просматривая записи, касающіяся земельныхъ распоряженій, можно усмотрѣть то общее всѣмъ, за малымъ исключеніемъ, поселкамъ, что въ первое время пользованіе землею,—я буду говорить почти исключительно о пахотныхъ угодьяхъ, имѣющихъ наибольшую цѣнность для переселенцевъ и отчасти о покосахъ,—совершенно свободно: каждый хозяинъ пашетъ, гдѣ и сколько ему угодно. Изъ 160 поселковъ, въ которыхъ выяснилось пользованіе землею, такое захватное пользованіе, свободная запашка, отмѣчена въ 115 пос., т. е. въ 72 проц., и только въ 45 пос. сразу же по водвореніи приступили къ дѣлежу земли, или, лучше сказать, отбивали въ натурѣ,—а иногда только устанавливали норму распашки,—площадь, предназначенную къ распашкѣ въ опредѣленномъ для каждой семьи, или иной раскладочной единицѣ, размѣрѣ. При вольной запашкѣ каждый захватывалъ, гдѣ и сколько хотѣлъ, и во многихъ случаяхъ попадаются записи, что богачи пораспахали сотню и больше десятинъ. Конечно, вольная запашка является показателемъ многоземелья. Періодъ вольнаго захвата земли весьма различенъ, начиная съ 1—2—лѣтъ по образованіи поселка и кончая десяткомъ и болѣе лѣтъ *). Кончатъ съ захватнымъ пользованіемъ побуждаетъ обыкновенно извѣстное стѣсненіе въ землѣ, вслѣдствіе чего начинаются неудовольствія, споры, столкновенія, кончающіеся подчасъ драками. Особенно часто мысль о раздѣлѣ земли, объ уничтоженіи вольной запашки возникаетъ у вновь прибывающихъ на заселенный участокъ; новоселы, вѣроятно, подъ свѣжимъ

*) Захватное пользованіе отмѣчено въ теченіе года въ 21 пос. изъ 160 или 13 проц. въ теченіе 2 лѣтъ—14 пос. (8,7 проц.), въ теч. 3—5 лѣтъ—20 пос. (12,5 проц.), 5—10 лѣтъ—28 пос. (17,5 проц.) и свыше 10 лѣтъ въ 20 пос. (2,15 проц.).

впечатлѣніемъ земельныхъ распоряжковъ на родинѣ, требуютъ себѣ земли въ такомъ же количествѣ, какъ у старожиловъ. Нерѣдко также инициаторами раздѣла земли и вообще упорядоченія землепользованія являются болѣе слабые хозяева, за счетъ которыхъ богачи расширяютъ свое хозяйство. И эти послѣдніе далеко не охотно расстаются съ порядкомъ, позволявшимъ имъ безпрепятственно захватывать землю въ любомъ количествѣ. Въ цѣломъ рядѣ поселковъ (въ Канкринскомъ, Никольскомъ и др.) имѣются указанія, что раздѣлу земли противятся богачи.

„Бѣдные согласны бы подѣлить, говорили въ пос. Новорыбинскомъ, Акмол. у., да богатые не даютъ, торгуются землей: распашетъ да продастъ: матушка-степь большая, онъ работаетъ, да работаетъ. Въ поселокъ каждый годъ народъ прибываетъ, и съ ними плохо: земля не раздѣлена, онъ куда хочетъ, туда заѣдетъ и пашетъ, никого не спрашиваетъ. Есть такіе, что попахали кругомъ томарчиковъ (болотцевъ), гдѣ весной вода стоитъ, и другимъ воду загородили. Каждому охота только поближе. Одинъ обчертилъ уже свою землю, а другой ее возьметъ и распашетъ“.

Въ пос. Никольскомъ того же у. крестьяне говорили:

*„Надо дѣлить, настолько надо, что ровно безхозяйственное дѣло теперь. Изъ-за того, что земля не дѣлена, кортмитъ иной землю, забираетъ у бѣдныхъ сколько придется, а бѣдный сдаетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Всякой годъ сужденіе насчетъ передѣлу имѣемъ... Поаркаемся, поаркаемся, да разойдемся. Вражда идетъ только. На 12 лѣтъ передѣлить бы надо, вродѣ какъ ревизія чтобы была. *Ибо ялись, что тогда хуторами жить придется, и отказались“.**

Въ пос. Канкринскомъ „противъ правильнаго передѣла всей земли и неизбѣжной при этомъ провѣрки пашни, захваченной каждымъ, высказывались прежде всего богачи (многодушные); „изъ за этого у насъ и вздоръ идетъ“, жалуются требующіе раздѣла.

Въ этихъ отзывахъ, а также и во многихъ другихъ, на ряду съ сѣтованіемъ на захваты земли богачами, указывается на необходимость урегулированія поземельныхъ отношеній. Мѣстами къ этому приступили уже и дѣлятъ землю въ натурѣ, мѣстами же, въ ожиданіи правильнаго раздѣла, устанавливаютъ норму распашки на душу и штрафъ за перепашку. Въ пос. Григорьевскомъ Петропавловскаго уѣзда штрафъ установленъ въ 2 р. съ лишней десятины, въ пос. Раевкѣ (тамъ же)—до 5 руб.; этимъ, между прочимъ, богачи поставлены въ необходимость входить въ

арендные договоры съ бѣдняками (на что указывается въ пос. Богдановскомъ, Петропавл. у.): „кто чувствуетъ за собою перепашку, тотъ беретъ у слабосильныхъ года на 2 изъ распашки“.

Укажу еще на то, что вольной запашкой, захватнымъ правомъ на землю, широко пользовались, безъ различія врожденныхъ привычекъ къ тѣмъ или инымъ формамъ земельныхъ отношеній, рѣшительно всѣ,—и общинники, и подворщики, лишь бы только силы хватило. Попадая въ условія сравнительнаго приволья Сибири, переселенецъ быстро осваивался съ нимъ и поступалъ такъ, какъ подсказывали ему обстоятельства. И выходцы изъ того края, гдѣ особенно прочно чувство права частной собственности на землю, охулки на руку не клали и распахивали „общественную“, землю сколько могли.

Какъ же рѣшаютъ переселенцы вопросъ объ установленіе порядка въ землѣ? „Дѣлить надо“, говорятъ переселенцы, и мѣстами дѣйствительно производятъ раздѣлы въ натурѣ. Вотъ, напр., въ пос. Явленномъ, Петропавловскаго уѣзда

„Въ 1885 году, первый годъ посѣва, еще въ колкахъ снятъ лежалъ, *подълили* по 15 саж. (длиною на 50) на приписную душу. Платовъ этихъ хватило, въ указанномъ количествѣ на душу, на 500 душъ. Затѣмъ первыя 8 лѣтъ пахали цѣлину „зря, кто сколько хотѣлъ, самовластно“. Были такіе богачи, что пораспахали десятины до ста. Уѣзднымъ начальникомъ тогда было приказано распредѣлять по количеству распашки платежи. На десятину распашки падало въ разные года различно, отъ 90 коп. до 1 руб. 20 к. Но это мало помогало дѣлу богачи продолжали захватывать лучшія земли, а распашекъ своихъ всѣхъ не показывали. *Въ 1891 году раздѣлили всю землю* подъ пашню первый разъ, на приписныя души, по нормѣ *въ 6 1/2 дес.* У богачей при этомъ передѣлѣ всю лишнюю землю, всетаки, отобрали. Были у иныхъ такіе излишки сверхъ нормы, что изъ этихъ излишковъ десяти хозяевамъ надѣляли. По приговору 15 апрѣля 1901 г. *земля передѣлена снова на 1147 наличныхъ душъ. Кто хотѣлъ, могъ взять и меньше своихъ наличныхъ душъ*, а излишніе, отсюда, надѣлы брались желающими. Срокъ этого коренного передѣла былъ установленъ 12-ти лѣтній. Норма на душу понижена была *до 6 дес.*“.

Въ данномъ случаѣ восторжествовалъ, очевидно, общинный принципъ: земли раздѣлили по душамъ, не по числу приписныхъ, а по числу наличныхъ къ послѣднему передѣлу, который состоялся въ 1901 г. Этихъ наличныхъ душъ оказалось уже въ 1 1/2 раза больше, чѣмъ приписныхъ, слѣ-

довательно, при такомъ передѣлѣ каждая приписная душа надѣлялась 10 дес. вмѣсто законныхъ 15, и тѣмъ не менѣе раздѣлъ состоялся. Нужно полагать, что не мало было переговоровъ и весьма бурныхъ, прежде чѣмъ состоялся такой раздѣлъ. Далеко не всегда, однако, вопросъ рѣшается такъ, какъ въ Явленномъ. Въ Ксеніевѣ, напр., (Омскаго уѣзда) шли долгіе споры, такъ и не закончившіеся, „на какія души рѣзать землю; у кого новорожденныхъ мальчиковъ со времени приписки не прибавилось, тѣ не согласны дѣлить на наличныя, остальные не хотятъ на приписныя“. Въ пос. Детровскомъ, Петропавл. уѣзда. крестьяне, отказавшись „отъ раздѣла на вѣчно“—земля не равная,—рѣшили раздѣлить

по русскіи: на 12 лѣтъ, а черезъ 12 лѣтъ кидать на тѣ же приписныя души жеребья и обмѣняться полосами. „А на новыя души все таки согласія не будетъ“, хотя объ этомъ и разговора пока нѣтъ. Надѣются, что „черезъ 12 лѣтъ и прирѣзка какая нибудь на новорожденныхъ будетъ. Тогда можетъ быть и на новорожденныхъ подѣлимъ, Когда дѣлить будемъ, тогда присовѣтуемъ“.

Оба поселка заселены преимущественно малороссами. Въ поселкѣ же Мало-Владимирскомъ Семипалатинскаго уѣзда послѣ долгихъ разговоровъ рѣшено было раздѣлить всѣ земли на наличныя души безъ различія старожиловъ и новоселовъ, начиная съ 10-ти лѣтняго возраста, на срокъ 12 лѣтъ, при чемъ черезъ каждые 3 года исключать умершихъ и убывшихъ, а малолѣтковъ, подошедшихъ къ 10 годамъ надѣлять, дѣлая только передвижку въ десяткахъ. Поселеніе поселка на цѣлую треть хохлацкое.

Національность населенія поселковъ должна, несомнѣнно сказываться на томъ или иномъ отношеніи къ раздѣлу земли, и нѣтъ ничего удивительнаго, что во многихъ поселкахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ возникаютъ безконечныя распри о преимуществахъ подворнаго или общинаго владѣнія. За послѣдніе годы возникновенію этихъ вопросовъ не мало способствовала мѣстная бюрократія, въ лицѣ переселенческихъ и крестьянскихъ чиновниковъ, постоянно предлагавшая переселенцамъ переходить къ подворному владѣнію *).

*) Замѣчу, что изслѣдованіе было закончено въ 1902 г., когда вопросъ о подворномъ владѣніи и хуторскомъ хозяйствѣ еще не пользовался такимъ значеніемъ, какъ теперь; вѣроятно, сейчасъ рвеніе начальства по части насажденія хуторскаго хозяйства еще усилилось.

ной формѣ весьма разнообразно. Одни относятся къ ней безусловно сочувственно, пытаются осуществить ее и осуществляютъ. Другіе, относясь къ ней сочувственно, находятъ мѣстныя условія совершенно неподходящими для ея осуществленія. Наконецъ, третьи относятся къ ней отрицательно и даже, пожалуй, враждебно, подобно тому, какъ первые относятся къ общинной формѣ. Во многихъ поселкахъ на предложеніе чиновника перейти къ подворному или хуторному владѣнію переселенцы отвѣчали отказомъ безъ объясненія причинъ, и для изслѣдователя осталось невыясненными причины отказа.

„Предлагало начальство перейти на подворное, говорили въ пос. Покровскомъ Петроп. у., чтобы у каждого земля вся стекломъ была, да мы даже и вниманія не взяли“.

Въ другихъ говорили, что раздѣляться подворно нельзя— „земля очень неравная“ (Константиновка, Акмол. у., Петровское, Петропавлов., Рославка, Омскаго и др.). Въ пос. Павловкѣ Омскаго у. орловецъ говорилъ: „какъ это я черезъ чужую землю ѣздить буду...“; „Спаси Богъ отъ этого“, отзывались пензенцы изъ пос. Рождественскаго Петроп. у.,—у насъ больше солонцовъ, да кочекъ, да таловъ; кому одна неудобь упадетъ, что онъ съ нею дѣлать будетъ? „Однако, полтавцы въ томъ же селеніи соглашались подѣлиться „на вѣчно“; а въ пос. Ольшанскомъ того же уѣзда полтавцы же были противъ подворнаго раздѣла изъ-за пестроземелья: „одинъ будетъ сытъ, а другій втекай, куда угодно...“ Въ сел. Полтавка хохлы также были противъ, ибо при подворномъ владѣніи „иной вѣкъ несчастнымъ будетъ“. Въ сел. Ночка переселенцы объяснили, что „всякій случай бываетъ съ хуторской-то: у кого много земли, а онъ безсильный станетъ, а у кого много душъ—у того земли мало стать можетъ“. Послѣднее возраженіе чисто принципиальнаго свойства, оно продиктовано сочувствіемъ къ „поравненію земли“. Въ пос. Сосновскомъ, Акмол. у.

„Однимъ крестьяниномъ заявлено было, между прочимъ, желаніе получить на всѣ 7 его душъ обособленный участокъ. „Онъ думаетъ умнѣе всѣхъ насъ, обыграть насъ хочетъ, все общество связать“, замѣчаютъ по этому поводу крестьяне. „У насъ и въ Россіи земля на души была, у насъ этого (подворнаго владѣнія) не будетъ. На 3, на 4 года, на 10 лѣтъ раздѣлить можно; а навѣчно дѣлить—драки много

будетъ, придется ее по сортамъ дѣлить. Шли сюда на вольныя царскія земли, да другъ дружку давить будемъ?”.

Отмѣчу, что и хохлы не всегда являются противниками поравненія: такъ, въ пос. Святодуховскомъ изслѣдователемъ записано:

Въ приговорѣ отъ 15 сентября 1900 года говорится, между прочимъ, что „на основаніи 51 статьи Положенія о крест. и Высочайше утвержденныхъ правилъ отъ 22 іюля 1900 года о подворномъ и хуторскомъ устройствѣ на переселенческихъ участкахъ въ Сибири и Степномъ генераль-губернаторѣ, единогласно постановили мы предоставленную намъ землю, находящуюся въ общинномъ нашемъ пользованіи *распредѣлить на подворные участки*“. „*Навсегда*“ предлога не было“, поясняютъ при этомъ крестьяне. „Писарь спрашивалъ: чи на 3 поля чи на всѣ души вмѣстѣ желаете получить землю? По хуторному не соглашались. А подворно, это стало быть сусидъ около сусіда; такъ мы и соглашались. А не то чтобы навѣчно, хоть бы и на 3 поля. Такъ мы и полагали, что черезъ время которыя души обмерли, будутъ снимать, а у кого прибавится, наложить на него“.

Во многихъ поселкахъ переселенцы, относясь сочувственно къ подворному владѣнію, тѣмъ не менѣе отказываются отъ него главнымъ образомъ изъ-за пестроземелья, которое не позволяетъ качественно уравнивать земли. Такъ, нѣмцы Омскаго уѣзда говорили, что участки не однородны, иному много лѣса (березовые „колки“) попадетъ и пахать негдѣ будетъ; другіе находили, что воды мало, колодцы глубокіе приходится рыть, что не каждому подъ силу и т. д. Въ сел. Рясскомъ, Петропавл. у., говорили, что „навѣчно“ раздѣлить земли нельзя даже „съ расцѣпки“, т. е. съ череполосицей; „такіе мелкіе паюшки придутся, что на нихъ и крутить. Вотъ если бы смѣнили земли (прирѣзкой удобной), тогда и подворно подѣлить никому обиды не было бы“. Даже орловскіе четвертники (сел. Михайловское, Акмол. у.) говорятъ, что „несообразишь здѣсь этакъ (т. е. подворно) раздѣлить: земля разная, къ одному мѣсту чего бы лучше работать, да никакъ нельзя“...

Но далеко не всегда переселенцы отказываются отъ подворнаго владѣнія. Въ иныхъ случаяхъ привычка къ нему такъ сильна, что несмотря даже на протесты меньшинства составляются приговоры о подворномъ раздѣлѣ. Однако сплошь и рядомъ при этомъ постановляется, что подворные участки должны быть въ 3-хъ поляхъ. Такъ, напр., въ пос. Дмитріевкѣ, Петропавл. у.:

„Отъ губернатора былъ сдѣланъ предлогъ „раздѣлить всю необходимую тодѣ пашню площадь: „*по хуторскому*, т. е. 12 дес. на душу къ

одному мѣсту на всѣ души; либо *пополосно*, съ передѣлами черезъ сроки; либо *подворно*“. Крестьяне отвѣтили приговоромъ, что желаютъ *подворно*, т. е. „чтобы земля была разбита на 3 поля, и чтобы въ каждомъ полѣ на всѣ души дана была къ одному мѣсту навѣчно“, безъ всякихъ, потомъ, передѣловъ. „Тогда каждый на своемъ участкѣ свое заведеніе заведетъ: и колодезь и амбары; тогда сосѣдъ съ сосѣдомъ и землю будетъ имѣть рядомъ, и легче столкуется насчетъ общаго колодца, напримѣръ. Сосѣдъ за сосѣдомъ углядитъ все равно, что свой семьянинъ“.

Удобство хозяйничанья на отрубномъ участкѣ смущаетъ многихъ, и несмотря на рискъ получить плохой участокъ, они соблазняются возможностью получить землю въ одномъ кускѣ. Такъ, напр., въ пос. Всехсвятскомъ, Петроп. у., хотя и опасались, что при раздѣлѣ „подворно-навѣчно“ иному пропадать придется, если достанется одна плохая земля и даже „трахтувалы объ томъ и при чиновникѣ“, но все таки „многосемейные такъ даже согласны были отрубные участки взять; не въ трехъ, стало быть, поляхъ (какъ рѣшено), а въ одномъ мѣстѣ всю землю. Тамъ бы и колодезь зробыть и заимочку поставить“.

Оно и понятно,—вѣдь если въ семьѣ 6—8 мужскихъ душъ, такъ вѣдь это 100—120 дес. къ одному мѣсту—„то вже ціла економія... робітимешъ якъ схочешъ!..“ Какъ тутъ не соблазниться...

Подписывая приговоры о раздѣлѣ подворно, многіе не представляли себѣ, въ чемъ тутъ дѣло.

На это прямо указывали, напр., въ пос. Полтавкѣ, Петроп. у.: „не понимали, по совѣсти сказать, что такое за подворно“. Въ пос. Троицкомъ того же уѣзда самарецъ, слушавшій, какъ полтавцы объясняли изслѣдователю, „что у насъ земли плохой нѣтъ, не обидно ее и навсегда раздѣлить“, замѣтилъ: „и у насъ этакъ же было,—передѣлялась въ послѣдніе годы замля-то“... Въ пос. Анненскомъ (тамъ же) орловцы, прослушавъ выписку изъ приговора „согласно п. 6 ст. 51 общ. пол. о кр. „единогласно постановили: свою надѣльную землю раздѣлить на подворные участки на 3 поля и т. д.“, и объяснили—„это значить—черезъ 6 лѣтъ земля передѣляться будетъ“... Въ пос. Архангельскомъ все того же Петроп. у.

Приговоромъ 26 сентября 1900 года общество изъявило согласіе „раздѣлить землю на подворные участки“. Поселокъ населенъ исключительно великороссами. Изъ 199 зарегистрированныхъ семей лишь у 7-ми на родинѣ земля была подворная (четвертная). Неудивительно, поэтому

что, давши указанный приговоръ крестьяне, ни мало не смущаясь, заявляютъ, что „хотя и подворно, а передѣлять будемъ“. Никто не понималъ дѣла... замѣчаютъ другіе. „У кого душъ много, тотъ молчалъ, да у кого такая земля въ Россіи была... А больше, не *разобраши дѣла*... Какъ мы въ Россіи жили,—выплодились, на 5 сыновъ землю терзай?“ „Кто привыкъ къ этому (подворному владѣнію), тѣ согласны; да привычка то это плохая“. „Изъ хитрости иной промолчалъ... Кому достанется одна глина, тому безъ хлѣба сидѣть!“ „Богачи засилить, душъ позакупать! Не кончено дѣло еще, приговоръ послали только“. Возражая на такіе доводы, одинъ изъ согласныхъ подѣлать пашню подворно говоритъ, что «земля у меня въ кучкѣ будетъ тогда, можно и колодезь выкопать на ней, и никто у меня ее не отберетъ».

Иногда, несмотря на приговоръ о раздѣлѣ подворно нѣкоторые протестуютъ: „земля должна передѣляться“ заявляли въ пос. Благовѣщенскомъ, Петроп. у. Въ пос. Срѣтенскомъ, того же у., по поводу приговора по подворномъ раздѣлѣ:

„Худая дѣльба это будетъ“, замѣчаетъ одинъ изъ орловскихъ переселенцевъ. „Стѣснимъ другъ друга и скотину негдѣ пасти будетъ, а на свой участокъ за 100 верстѣ объѣзжать надо будетъ“. «Если вотъ тебѣ вся земля къ озеру попадется, что ты тогда дѣлать будешь?» обращается другой къ стороннику подворныхъ участковъ. „Такой ужъ мой таланъ“, возражаетъ послѣдній.

Въ пос. Богдановскомъ, согласившись на подворный раздѣлъ, крестьяне теперь недоумѣваютъ: мы полагали,

что черезъ 12 лѣтъ съ умершихъ снимутъ, а на новорожденныхъ наложатъ. Лучше бы, извѣстно, съ передѣлами. У тебя теперь 5 душъ, а у меня одна. И сколько бы ни находилось мужскихъ душъ, всего одна будетъ? У которыхъ много сыновей, тѣ именно и хлопочутъ раздѣлить землю навсегда.

Въ пос. Новопокровскомъ начали уже сожалѣть о согласіи на подворный раздѣлъ, данномъ подъ вліяніемъ полтавцевъ.

«Ихъ и ошибка, замѣчаютъ пензенцы, а мы и знатомъ не знали, что такое за подворно». „Теперь мы сами себя связали, сами себѣ худо сдѣлали“, единогласно высказываются какъ полтавцы, такъ и пензенцы. „Теперь иные навѣкъ нищіе. Иному упала въ двухъ поляхъ мягкая, въ одномъ твердая; другому во всѣхъ трехъ поляхъ твердая; иныхъ худой земли много упало. Сами когда дѣлимъ, худую выкидываемъ».

Иногда сомнѣнія въ удобствѣ подворнаго раздѣла возникаютъ непосредственно за составленіемъ приговора. Такъ, напр., въ пос. Демьяновскомъ Петр. у.

Подали крестьяне приговоръ о передѣлѣ на подворные учаетки, а затѣмъ стали совѣтоваться, чтобы земля «переходная» была, «а то у насъ Россія будетъ». Если разбить землю подворно, да еще безъ трехъ

полей отрубными участками на всѣ души въ одно мѣсто, то «каждый будетъ воленъ сѣять, гдѣ хочеть,—еще хуже будетъ; на Ксеніевкѣ будто такъ подѣлено и ссора идетъ ровно, какъ въ Россіи: одинъ ведетъ до раkitника лошадь поить, а другой кричить, «куда ты на мою землю ведешь, мою траву топчешь». У насъ всѣ свои, все равно, что одна семья, одной волости: намъ легко и съ переходной землей поладить».

Вообще вопросъ о той или иной формѣ земельного устройства порождаетъ массу разногласій среди переселенцевъ. Быть можетъ, ихъ было бы и меньше, если бы подбиралися болѣе однообразный составъ поселковъ, а теперь общинники стоятъ за общинное владѣніе, подворщики — за подворное, изъ-за этого столкновенія, неурядицы. Въ пос. Семеновскомъ, Акмол. уѣзда, группа подольскихъ переселенцевъ подала крестьянскому начальнику приговоръ о передѣлѣ земли „подворно навѣчно“. Тотъ передалъ вопросъ на сельскій сходъ, гдѣ онъ и былъ отвергнутъ большинствомъ самарцевъ, побоявшихся, что при такомъ раздѣлѣ „многіе останутся навсегда безъ хлѣба“. Въ пос. Канкринскомъ, Акм. у.

Въ пос. Романовскомъ того же у.:

Теперешній *общинный* порядокъ пользованія пахотной землей большинствомъ *считаетъ неудобнымъ*, стѣснительнымъ: пахать надо, образуясь съ требованіями всего общества, удобрять или особенно стараться надъ обработкой своей пашни отдѣльному хозяину не стоитъ, такъ какъ трудъ такой можетъ всегда пропасть даромъ. Съ другой стороны, раздаются голоса, что нынѣшній порядокъ *желателенъ* и въ будущемъ, потому что „многосемейный и долженъ получать больше земли, а малосемейный меньше“.

Можно было бы еще увеличить число подобныхъ ссылокъ, показывающихъ, какъ трудно переселенцамъ придти къ соглашенію по такому важному вопросу, какъ земельное устройство, но мнѣ думается, что и приведенныхъ достаточно.

*) Въ 1900 году „было отъ начальства предложеніе, подѣлить землю навѣчно на участки. Староста сдѣлалъ сходъ, но общество не согласилось. На хутора дѣлить—изъ-за скотины согласія не будетъ. Да и пахотную землю на 2—3 года подѣлить можно, а навѣчно, какъ ее подѣлить? Земля неодинаковая, залогъ только $\frac{1}{3}$, а $\frac{1}{2}$ мягкой (?)“. Полтавцы категорически заявляютъ, однако, что „навѣчно сходиѣ“. Великороссы стоятъ на своемъ: „ѣхали изъ Россіи сюда на волю; а какая же воля тутъ будетъ, если на участки подѣлимъ? Драки только будутъ постоянно“.

Положеніе переселенцевъ тѣмъ болѣе затруднительно, что они ясно видятъ, что такъ или иначе, а установить земельные порядки необходимо, что при настоящемъ разладѣ хозяйничать нельзя. Сознаніе этого побуждаетъ иной разъ соглашаться на чуждыя имъ формы, лишь бы только покончить съ этимъ вопросомъ. Достойно замѣчанія, между прочимъ, что ни въ одномъ случаѣ не было отмѣчено согласія перейти къ хуторскому пользованію; о немъ говорили только отдѣльные крестьяне, но успѣха не имѣли. Въ сущности говоря, и подворный раздѣлъ имѣлъ значеніе закрѣпленія за каждымъ домохозяиномъ, разъ навсегда, опредѣленнаго количества только пахотной земли, а не всей вообще, да и пахотная земля, по общему желанію, отводилась не къ одному мѣсту, а въ 3-хъ поляхъ, черезполосно, ради того, чтобы всякаго качества земля досталась, да чтобы и отъ градобитія себя хоть немного гарантировать — все не каждая полоска будетъ выбита. О „раздѣлѣ сѣнокосныхъ угодій на вѣчно“ заходилъ разговоръ только въ рѣдкихъ случаяхъ и нигдѣ осуществленъ не былъ. Зато имѣется нѣсколько указаній, что сѣнокосы не дѣлятся передъ началомъ уборки сѣна на души, а скашиваются сообща „десятками“, или цѣлымъ селеніемъ, и раздѣлъ происходитъ уже сѣномъ (пос. Романовскій, Харьковск. Акмол. у., Новочеркасскій, Сосновскій, Святодуховскій Петр. и др.).

Укажу еще на единичный, но любопытный фактъ: когда въ пос. Новопокровскомъ, Петропавловскаго уѣзда,

пахотная земля была передѣлена на подворные участки, „многимъ обидно стало насчетъ выгона“. Изъ 15-ти десятинъ на душу удобной вообще земли осталось сверхъ выдѣленныхъ подъ пашню по 6 десят. У кого одна душа, а скота много, тотъ, слѣдовательно, пользуется выгономъ на счетъ „многодушнаго“, но имѣющаго мало скота. *Пошли разговоры о необходимости уравнивать пользованіе имъ платежемъ со скота.*

Подведемъ итоги. На мой взглядъ весьма характерно и важно то, что переселенцы изъ русскіихъ губерній, являясь въ Зауралье съ самыми различными и вполнѣ установившимися, многими годами выработанными взглядами на земельные порядки, весьма быстро осваиваются и примиряются съ тѣмъ фактомъ, что земля дается имъ не въ собственность, а въ пользованіе за оброкъ; по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ изъ обследованныхъ поселковъ не было за-

явленій о неудобствѣ этого. Всѣ сравнены въ правахъ на землю, и въ массѣ это принимается безъ протеста. О „врожденномъ чувствѣ собственности“ здѣсь и помина нѣтъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что введеніе института частной собственности на землю внесло бы изрядную смуту и повело бы къ усиленной дифференціаціи населенія поселковъ, дифференціаціи въ сильнѣйшей степени, чѣмъ это замѣчается въ русской деревнѣ.

Но если переселенцы въ массѣ относятся къ искомому праву на землю вполне сочувственно, то внутренніе земельные распоряжки вызываютъ не мало разногласій и столкновеній, причина чего кроется въ значительной мѣрѣ въ томъ, что за рѣдкимъ исключеніемъ въ одномъ поселкѣ имѣются представители разныхъ мѣстностей, принесшихъ съ собою тѣ или инныя привычки. Несомнѣнно, что тренія было бы гораздо меньше, если бы подборъ переселенцевъ дѣлался болѣе осмотрительно. Общинники ввели бы у себя уравнильные передѣлы и переверстки, подворщики передѣлили бы землю на участки „на вѣчно“, или до того момента, когда бы они пришли къ сознанію, что какая либо иная форма предпочтительнѣе, чѣмъ подворная.

Не мало смуты въ этомъ отношеніи вносятъ чиновники, которые навязываютъ новоселамъ подворную форму, не позаботясь при этомъ выяснить имъ, что такое это значить. Быть можетъ, впрочемъ, они и сами плохо себя представляли, въ чемъ тутъ дѣло.

Только въ одномъ случаѣ отмѣчено отрицательное отношеніе „начальства“, въ лицѣ устькаменогорскаго уѣзднаго начальника, который рапортомъ отъ 1 февраля 1893 г. доносилъ губернатору, что въ пос. Маріинскомъ, при самомъ водвореніи.

„на участкѣ первые 56 семей „подъ вліяніемъ извѣстнаго своими большою частью кляузными, просьбами Пономарева, конечно, не зная, сами, просили о предоставленіи имъ земли въ подворное пользованіе. Хотя по § 9 закона 13-го іюня 1889 года это и предоставляется переселенцамъ, но имѣя въ виду, что подобнаго рода пользованіе земель, никогда не практиковавшееся въ Сибири, представить въ послѣдствіи не мало заботъ администраціи не только при взысканіи оброчныхъ денегъ, но и при разрѣшеніи всякаго рода споровъ и пререканій между самими крестьянами, неизбѣжныхъ при подворномъ владѣніи,—то я полагаю

бы отклонить это ходатайство переселенцевъ, за несоблюденіемъ правилъ, требуемыхъ § 9-мъ закона 1889 года“.

Это было полтора десятка лѣтъ тому назадъ, и, вѣроятно, теперь тотъ же самый уѣздный начальникъ, „проникшись видами правительства“, насаждалъ бы теперь подворное владѣніе.

Л. Чермакъ.

Буряты по даннымъ переписи 1897 г.

Въ настоящее время въ связи со многими другими вопросами, волнующими сибиряковъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ и инородческій вопросъ, а вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣтаютъ извѣстное значеніе и тѣ цифровыя данныя, которыя касаются той или иной изъ многочисленныхъ инородческихъ народностей, населяющихъ Сибирь.

Мало разработанный до сихъ поръ матеріалъ первой въ Россіи всеобщей переписи 1897 года позволяетъ намъ сдѣлать краткій очеркъ численности, состава и занятій бурятъ, какъ одного изъ наиболѣе способныхъ и жизнеспособныхъ народовъ Восточной Сибири, и если этимъ мы хоть сколько-нибудь посодѣйствуемъ популяризаціи мало доступнаго широкой публикѣ цифрового матеріала переписи, то выполнимъ тѣмъ самымъ и поставленную передъ нами задачу.

Всѣхъ лицъ, которые къ моменту переписи называли своимъ роднымъ языкомъ бурятскій, а также и тѣхъ, которыя хотя и не называли своимъ роднымъ языкомъ бурятскаго языка, но которыя, по своей принадлежности къ сословію или вѣроисповѣданію, несомнѣнно, принадлежали къ бурятамъ, было въ Имперіи 288,663 и въ томъ числѣ въ Сибири 288,589.

Какое мѣсто въ Сибири занимали буряты?

Сибирь, благодаря своему туземному населенію и своеобразно слагавшимся историческимъ условіямъ, представляетъ большое этнографическое разнообразіе: почти нѣтъ такихъ народностей Имперіи, которыя не находили бы, своихъ представителей въ ней; несмотря на это разнообразіе, господствующею народностью въ ней были къ 1897 году русскіе, въ частности великоруссы, такъ что Сибирь была

СИБИРСКІЕ ВОПРОСЫ

Періодическій сборникъ,

издаваемый В. П. Сукачевымъ

подъ редакціей прив.-доц. П. М. Толобачева

№ 1—1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Эргелевъ пер. 17—9.
1905.

По поселкамъ Степного края

Первое знакомство мое съ поселками началось зимой 1896 года. Мнѣ предстояло проѣхать верстѣ за полтораста отъ города въ киргизскіе аулы, и путь мой лежалъ черезъ цѣлый рядъ поселковъ, сначала нѣмецкихъ, населенныхъ главнымъ образомъ переселенцами изъ приволжскихъ губерній, а затѣмъ русскихъ.

Что меня особенно поразило на первыхъ порахъ, такъ это то, что только въѣхавъ на деревенскую улицу, я замѣтилъ поселокъ,—низенькія землянки безъ крышъ, занесенныя снѣгомъ, почти не выдѣлялись на общемъ однообразномъ фонѣ степи, нарушаемомъ только темными пятнами березовыхъ „колковъ“. Но самые поселки производили хорошее впечатлѣніе. На задахъ выдѣлялись ометы хлѣба и сѣна, улица, покрытая пометомъ, свидѣтельствовала о томъ, что скота въ поселкѣ довольно много, а въ невзрачныхъ снаружи землянкахъ было тепло и чисто. На мой вопросъ, какъ живетъ?—говорили, что—ничего, жить можно, только вотъ воды хорошей мало; рыли глубокіе колодцы—и все соленая вода попадалась. Богачи, рассчитывавшіе на свободныя земли, были нѣсколько разочарованы: и земли тамъ, на родинѣ, лучше, и пшеница по качеству выше, и цѣны не такіе, какъ здѣсь,—„25—30 коп. за пудъ—что за цѣна“!

Лошадей въ нѣмецкихъ поселкахъ мнѣ давали скоро; кони всюду были хорошіе, и я еще засвѣтло пріѣхалъ въ первый русскій поселокъ, раскинувшійся по берегу озера. Я думалъ тотчасъ-же ѣхать дальше и попросилъ лошадей, но тутъ вышла „заминка“. Писарь досталъ книгу и, посмотрѣвъ въ нее, объявилъ мнѣ, что раньше утра лошадей не будетъ.

— Отчего это?

— Видите-ли, ваше благородіе, тутъ народъ собрался чуть

не изъ 30 губерній и всё врозь тянуть, порядку и нѣтъ никакого... Вотъ хоть-бы насчетъ лошадей,—ямщика мы не держимъ, а возимъ по-очереди, вотъ теперь очередь Макаренки, а у него лошадей нѣтъ, а одни волю: хотишь, скажешь, запрягай воловъ, а коней у меня нема... И всё они хохлы такіе. Къ утру я достану лошадей.

Пришлось ночевать. Земская квартира, противъ обыкновенія, была въ избѣ многосемейнаго хозяина, и такъ какъ никого не ждали, то „чистая половина“ была занята семьей, также, какъ и другая—„черная“, наполовину занятая русскою печью. Помѣщеніе не отличалось чистотою и, повидимому, землянка была хуже слажена, чѣмъ нѣмецкія, но было тепло, несмотря на порядочный морозъ. Когда подали самоваръ, я пригласилъ старика хозяина присѣсть къ самовару и мы съ нимъ разговорились. Оказалось, что они живутъ здѣсь уже 4-й годъ, а сами изъ Саратовской губер.; земли на родинѣ у нихъ было мало и они рѣшили переселиться сюда. Сначала было очень трудно, а потомъ ничего—поправились.

— Что-же, по родинѣ не скучаете?—спросилъ я хозяйку, подсѣвшую къ намъ.

— Какъ не скучать, наши-то мѣста попримляднѣе будутъ, а только надо правду сказать, вѣдь тутъ мы и свѣтъ-то увидѣли... Тяжело было тамъ-то, на родинѣ,—вздохнула она.

— Какъ-же можно!—поддержалъ старикъ.—Тутъ я самъ себѣ хозяинъ; у меня хлѣбъ, слава Богу, свой, двѣ лошади, 2 пары воловъ, 3 коровы, овечки есть... Лѣто поработалъ, а пришла зима, я себѣ завалился на кошацьи горы,—показалъ онъ головою на печь,—да и лежу себѣ—пускай ребята управляютъ. Ну, а тамъ лежать не доводилось...

— Какъ у васъ урожай нынче?

— Уродилъ нынче, Господь, уродилъ,—отвѣчала хозяйка, и лицо ея приняло умиленное выраженіе.—Хорошъ былъ хлѣбъ; я какъ-то, послѣ Петрова, пошла въ поле посмотреть пшеничку, давно не была — недосугъ все, подошла, а она стоитъ, матушка, выше пояса, ровная, чистая, колосья къ колосу, просто не налюбоваться... и примолотъ хорошій.

И долго мы еще бесѣдовали на эту тему со стариками.

Впослѣдствіи, при дальнѣйшихъ моихъ встрѣчахъ съ переселенцами, мнѣ не разъ приходилось наталкиваться на ту

мысль, что наиболѣе прочный элементъ представляютъ именно тѣ изъ нихъ, которые на родинѣ были въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ здѣсь; не имѣли земли, скота, принуждены были тяжелымъ батрачествомъ добывать средства къ жизни. Если такимъ посчастливилось здѣсь, т. е. они попали на порядочный участокъ, получили полную ссуду и урожай былъ хорошъ, такъ они довольны—они стали *хозяевами*—у нихъ свой хлѣбъ, свои овощи, свое молоко, свое мясо. Состоятельные переселенцы, жившіе и у себя сравнительно недурно и расчитывавшіе въ Сибири, „на вольныхъ земляхъ“, на быстрое обогащеніе, нерѣдко разочаровываются и начинаютъ переходить съ мѣста на мѣсто; тамъ земля не понравилась, тамъ покосовъ мало, тамъ хоть и родится хлѣбъ, да сбыть его некуда и т. д., и въ такихъ переходахъ истощаютъ свои средства.

Замѣтилъ я также, что переселенцы первой категоріи терпимѣе относятся къ коренному населенію края—киргизамъ, чѣмъ вторые, можетъ быть потому, что они не такъ увѣрены въ своемъ превосходствѣ передъ „ордой“; или потому, что у нихъ меньше поводовъ къ столкновенію, или по другимъ какимъ причинамъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ богачей, облюбовавшихъ себѣ хорошій „кусочекъ земли“, принадлежащей киргизамъ, что давно-бы слѣдовало эту „орду“ вовсе прогнать, что „она только землю портитъ и крещеныхъ стѣсняетъ“. А съ другой стороны приходилось видѣть и слышать о *тамырствѣ*, т. е. дружествѣ съ киргизами и именно не богачей, а такихъ средних хозяевъ. Когда я спросилъ старика хозяина, ладить-ли онъ съ сосѣдями киргизами, то онъ отвѣтилъ:

— Ничего, живемъ ладно. Спервоначалу-то не очень ладили, ну, а теперь ничего. Дружка я тутъ себѣ завелъ... я его къ картошкѣ приучаю, а онъ меня къ кумысу, да къ кобылятинѣ; овечку вотъ подарилъ мнѣ...

Конечно, и богачи заводятъ тамыровъ, не богачи-пахари, а богачи-ловкачи, которымъ все равно, какъ ни наживать деньги, и для которыхъ тамырство съ такимъ-же хищникомъ-киргизомъ представляетъ просто форму соглашенія для совмѣстнаго обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ.

Впрочемъ, я не настаиваю на этихъ выводахъ, основанныхъ лишь на случайныхъ наблюденіяхъ. Нужно сказать:

что тамырство съ киргизами—явленіе во всякомъ случаѣ не общее, а частное, въ общемъ-же переселенцы, и особенно новоселы, почти всегда становятся во враждебныя отношенія къ киргизамъ, иногда сами вызывая ихъ, иногда отвѣчая на настроеніе киргизъ. Причинъ этому много, какъ общаго, такъ и частнаго характера. Прежде всего кочевникъ не можетъ быть равнодушенъ къ тому, что у него отбираютъ земли, имѣющія для него иной разъ большее значеніе, и отрѣзка которыхъ представляетъ незамѣнимую утрату, когда, напр., отрѣжутъ бродъ черезъ рѣку, или озеро, служащее водопоемъ на обычномъ кочевомъ пути для многихъ киргизъ и т. п. И, конечно, киргизы болѣе южныхъ районовъ, гдѣ переселенцы появились только въ послѣдніе годы, особенно недружелюбно относятся къ нимъ, говоря, что тѣсно, кочевать нельзя, Русь стѣснила.. Стѣсненіе это въ большинствѣ случаевъ только кажущееся, но на первыхъ порахъ оно раздражаетъ киргизъ и, какъ всегда бываетъ, неудовольствіе ихъ обрушивается на ближайшую причину—переселенцевъ и начинаются стычки. Въ виду этого мнѣ казалось-бы, что въ новыхъ районахъ слѣдовало-бы на первыхъ порахъ располагать участки крайне осторожно, осмотрительно и какъ можно рѣже, постепенно приучая киргизъ, наиболѣе сохранившихъ здѣсь привычки номада, къ русскому осѣдлому населенію. Очень плохо вліяетъ нѣкоторая неровность въ отношеніи начальства къ обѣимъ сторонамъ,—то оно принимаетъ сторону крестьянъ, и тогда киргизскіе главари засаживаются въ холодную и дѣло рѣшается въ пользу крестьянъ, то наоборотъ, и тогда сидятъ крестьяне, а киргизы торжествуютъ. Пока-же идетъ такое разбирательство со стороны начальства, враждующія стороны сами по своему рѣшаютъ дѣло драками, отрѣзываніемъ хвостовъ у лошадей, задержаніемъ пойманнаго на потравѣ скота и чуть не калѣченіемъ и убійствомъ. Можно себѣ представить, до какого озлобленія доходятъ переселенцы, когда при самомъ началѣ ихъ устройства у нихъ угоняютъ лошадей, вытравливаютъ ихъ посѣвы, увозятъ накошенное сѣно. Я не хочу обвинять киргизъ, я только констатирую фактъ и думаю, что при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу можно было-бы избѣгать подобныхъ столкновеній, надолго порождающихъ непріязненные чувства въ обѣихъ сторонахъ. Къ

сожалѣнію, въ недавнемъ прошломъ устройства переселенцевъ въ степномъ краѣ внимательное, безпристрастное къ той и другой сторонѣ отношеніе со стороны лицъ, вѣдающихъ дѣло, встрѣчалось только въ видѣ исключенія, зато какъ часты были взятки, подкупы, подлоги! О нихъ говорятъ вслухъ, авторовъ ихъ называютъ полными именами. Таковъ, напр., дѣятель позднѣйшей формаціи крестьянскій начальникъ Шевченко, дѣло о которомъ, находящееся въ омскомъ судѣ уже нѣсколько лѣтъ, не можетъ быть завершено за неотысканіемъ г. Шевченко. Этотъ дѣятель взималъ съ переселенцевъ за приписку по 3, 5 и больше рублей, глядя по состоянію. Онъ же, говорятъ, измучивъ переселенца, приходящаго за ссудой, „завтраками“, вымогалъ росписки на большую сумму, чѣмъ выдавалъ. Онъ же взималъ дань натурой и т. д. Да и онъ-ли одинъ?..

Я приведу здѣсь ради иллюстраціи „попечительнаго“ отношенія къ переселенцамъ одного изъ власть имѣющихъ, слѣдующій эпизодъ:

Въ 1898 году мнѣ пришлось быть въ поселкѣ Бота-Кара, тогда еще самовольномъ и состоявшемъ не болѣе, какъ изъ десятка дворовъ, считая въ томъ числѣ и основателя поселка Половнева, древняго, но еще бодрого старика, мечтавшаго о томъ, что когда на этомъ мѣстѣ возникнетъ настоящій поселекъ, такъ онъ будетъ названъ „Половневкой“; кажется, мечта эта не сбылась, и имя Половнева не увѣковѣчено въ названіи основаннаго имъ поселка. Поселекъ этотъ расположенъ почти на границѣ 3-хъ уѣздовъ: Акмолинскаго, Павлодарскаго и Каркаралинскаго. Задумавъ сдѣлать описаніе поселка, я попросилъ собраться его жителей, по одному отъ хозяйства, чтобы дать мнѣ необходимыя свѣдѣнія, и былъ очень удивленъ, когда среди собравшихся преобладали женщины.

— А гдѣ же мужики?

— Да коренные-то жители, почитай, все собрались, одного-двухъ нѣтъ, а эти вотъ женщины—пріѣзжія, стало быть, поселиться здѣсь желаютъ.

— А мужья ихъ гдѣ же?

— А кто ихъ знаетъ,—отвѣчалъ осторожный сибирякъ, павлодарскій мѣщанинъ.— Въ городѣ, однако, уѣхали... да вотъ лучше онѣ сами расскажутъ.

Изъ бабъ выдѣлилась одна пожилая женщина, типичная хохлушка, въ сѣрой свиткѣ, несмотря на жару, въ темномъ съ цвѣтами ситцевомъ платкѣ, особеннымъ образомъ повязанномъ.

— Здравствуйте,—поклонилась она мнѣ.

— Здравствуйте, а гдѣ-же мужики ваши?

— А мужики у городи...

— Когда-же они возвратятся?

— А не знаемъ...—проговорила она, и вдругъ слезы закатили у нея изъ глазъ.

— Что такое, въ чемъ дѣло?—спрашиваю, видя, что и другія бабы тоже утираютъ глаза.

— Увезли нашихъ мужиковъ... увезли...

— Да за что-же? Что они сдѣлали?

— И просто не знаемъ за що... пріѣхалы урядники, чи якъ ихъ тамъ, и увезли...

— Да вы расскажите по порядку,—вмѣшался сибирякъ,—ты расскажи, Домна, барину, какъ было дѣло... боятся онѣ,—пояснилъ онъ мнѣ.

Домна оправилась и начала рассказывать дѣйствительно по порядку. Къ сожалѣнію, я могу передать ея рассказъ только по-русски.

— Еще какъ мы на родинѣ были, да задумали, какъ и люди добрые, поѣхать въ Сибирь, такъ знали, что нужно ѣхать на Кокчетавъ, а оттуда на такой Тычокъ *). Ну, хорошо, купили это мы въ Петропавловскѣ коней, телѣги и таки доѣхали въ самый Тычокъ. Мѣсто хорошее, ну, только народу тамъ—страсть Божія и все приписки ожидаютъ. Ну, намъ кумъ—тамъ въ Тычкѣ у насъ кумъ живетъ—и говорить: „вотъ что, запрягайте вы коней и ѣзжайте на Бутгору, тамъ мѣсто хорошее и свободное. Ну, мужики поговорили, поговорили, видятъ, что ничего не сдѣлать, запрягли коней, спросили про дорогу и поѣхали. Сначала какъ по поселкамъ ѣхали ничего было, а какъ выѣхали въ чистую степь, то тутъ приняли муки, что не дай Богъ... Конца краю нѣтъ той степи и кромѣ орды никого нѣтъ. Стали орду спрашивать про Бутгору, а они по руську не знаютъ, то туды покажутъ, то сюды... И безъ воды-то мы сидѣли, и чуть что ужъ не

*) Испорченное киргизское Аты-джокъ, т. е. безъ имени.

голодать пачали, а тутъ еще ребятишки расхворались, оспа чи-що на нихъ напали, горять, сыпушка высыпала... Что тутъ дѣлать! Хоть ложись, да помирай... И вотъ ѣдемъ мы такъ, ужъ къ ночи дѣло, думаемъ, гдѣ намъ остановиться вдругъ слышимъ колокольчики звякають... мы и обрадовались,—то намъ Господь Богъ помощь посылаетъ. Видимъ, ѣдетъ повозка и три лошади запряжены, а кругомъ орды этой много и съ лошадьми. Вотъ мужики и давай кричать „стойте, добрые люди, стойте“! Остановилась повозка, мужики къ ней, шапки поскидавали и говорятъ:—„скажите, сдѣлайте милость, какъ намъ на Бутгору проѣхать“? А тутъ изъ повозки баринъ выглянулъ, да и спрашиваетъ, а вы кто такіе? Ну, мужики и говорятъ: переселенцы мы, заблудились... а баринъ, какъ закричитъ: ахъ вы такіе—разсякіе, шлетеесь тутъ, безбилетные бродяги... и пошелъ честить и такъ и сакъ; я, говоритъ, васъ вонъ выгоню, чтобъ духу вашего здѣсь не было!.. Господу Богу небесному извѣстно, сколько мы страху тутъ приняли... Наругался баринъ и уѣхалъ... Ну, спасибо, тутъ одинъ киргизъ подѣхалъ да и говоритъ: этой дорогой надо ѣхать, недалече и Бутогора будетъ. И правду недалече. Приѣхали мы, а тутъ избушки пустыя были, хоть плохонкія, а все-же избушки; устроились мы тутъ кое-какъ съ больными ребятишками, да спасибо еще дядькѣ Половневу—далъ намъ коровку доить, самъ онъ въ городъ уѣзжалъ; думали, что, Господь дастъ, поправимся съ дороги, а вдругъ на пятый или на шестой день приѣзжаютъ полицейскихъ двое и велятъ мужикамъ въ городъ собираться, а насъ съ ребятишками больными хотѣли съ хать повибрасывать—начальство, говоритъ, приказало! Насилу упростили мы: „что-же, говоримъ, кабы на васъ хреста не мае“...

Такъ мы уже 5-й день безъ мужиковъ и не знаемъ, что и будетъ...—закончила Домна свой рассказъ.

Я прожилъ двое сутокъ въ поселкѣ Батакари и мужиковъ не видѣлъ, больше мнѣ уже не пришлось быть тамъ и какая судьба ихъ постигла—я не знаю. Впрочемъ, я врядъ ли ошибусь, если скажу, что, отсидѣвъ въ худшемъ случаѣ нѣсколько сутокъ въ каталажкѣ, они были отпущены съ приказаніемъ убираться вонъ „изъ моего уѣзда...“ Но почему же холодная, и почему же вонъ?—спросить читатель. А просто потому, что по взгляду этого администратора переселе-

ніе—зло, переселенцы — бродяги, попрошайки, идущіе за казенной подачкой, въ общемъ неспокойный элементъ и чѣмъ меньше ихъ будетъ, тѣмъ лучше. А такъ какъ, не смотря на всѣ его доклады, въ этомъ смыслѣ, вышему начальству, переселеніе шло своимъ порядкомъ, такъ онъ и проводилъ въ жизнь свои взгляды на переселеніе вышеописаннымъ образомъ. Долженъ, впрочемъ, прибавить, что, по мнѣнію свѣдущихъ людей, не совсѣмъ безкорыстные соображенія руководили этимъ администраторомъ въ его отношеніяхъ къ переселенцамъ, а эти послѣдніе такъ прямо и указывали, что киргизы не оставались въ долгу за столь ревностное охраненіе ихъ интересовъ.

Верстахъ въ 15—20 стъ китайской границы въ предѣлахъ Устькаменогорскаго уѣзда расположены три поселка, заселенныхъ крестьянами Томской губ., старовѣрами, или какъ ихъ иначе называютъ—кержаками. Поселки эти раскинулись въ красивой мѣстности, по обширной, довольно высокой горной равнинѣ, извѣстной подъ названіемъ Каба, и отдѣляются другъ отъ друга рядами невысокихъ холмовъ. Прекрасные покосы и пастбища, масса воды и умѣренные жары особенно благопріятствуютъ широкому развитію скотоводства; впрочемъ, и земледѣліе здѣсь удастся, хотя хлѣбъ и страдаетъ отъ раннихъ холодовъ. Поселки кержаковъ находятся верстахъ въ 80—100 отъ станицы Алтайской, ближайшаго къ нимъ поселенія, отъ котораго начинается колесная дорога на Устькаменогорскъ; между поселками-же и станицею сообщеніе возможно только верхомъ, такъ что вся кладь доставляется вьюкомъ. Наиболѣе высокій и трудный переваль черезъ Тарбагатай,—хребетъ, у подножья котораго лежитъ станица и вершины котораго блистаютъ вѣчнымъ снѣгомъ, сохраняющимся въ трещинахъ и ущельяхъ. Дальше тоже есть трудныя мѣста: переправа черезъ быстрыя горныя рѣчки, русло которыхъ покрыто большими и малыми окатанными камнями, узкія тропинки, проложенныя по крутому склону, съ бушующей внизу рѣкой, каменистыя лѣсныя тропы и т. п. Словомъ, только на привычныхъ мѣстныхъ лошадяхъ можно вполне спокойно дѣлать эту дорогу.

Несмотря, однако, на свое изолированное положеніе, поселки эти пользуются широкою извѣстностью и со времени возникновенія переселенческаго движенія въ Улькаменогор-

скій уѣздъ, рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы жителямъ ихъ не приходилось давать пріютъ у себя самоходамъ,—такъ называютъ въ Степномъ краѣ переселенцевъ, ищущихъ землю. Но „рассейскіе“ плохо приживаются здѣсь. Однихъ страшатъ эти горы, черезъ которыя существуетъ только вершная дорога, другимъ не нравится то, что хлѣбъ здѣсь не каждый годъ родится, третьимъ еще что нибудь и проживъ здѣсь немного,—кто мѣсяцъ, а кто и недѣлю,—они уходятъ, а на ихъ мѣсто приходятъ другіе—извѣстно вѣдь, что чужой опытъ не убѣдителенъ—съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь уйти съ тяжелымъ чувствомъ разочарованія. Особенно неудачно окончилась посылка большой партіи переселенцевъ-хохловъ.

Это было весною 1898 г. Въ станицѣ Алтайской собралось до сотни семей переселенцевъ-хохловъ. Они слышали про Кабу, слышали, что земли тамъ вольныя, трава—хоть хоронись въ ней, почва жирная, воды вдоволь, рыбы много, чего-же больше? Они рѣшили поселиться на Кабѣ. Въ станицѣ имъ сказали, что на телѣгахъ до Кабы добраться нельзя. Но хохлы не послушали: какъ такъ нельзя—переедемъ. Подумавши, они рѣшили передѣлать свои четырехколесныя телѣги на одноколки и, когда все было готово, покладали въ нихъ свое имущество, посадили дѣтей и тронулись. Съ невѣроятными трудностями они преодолѣли первый перевалъ. Казалось, дѣло было сдѣлано—самая высокая гора побѣждена. „Бачите, я жъ вамъ казалъ, что они не знаютъ!“—торжествовалъ ихъ вожакъ. Но затѣмъ начались такія трудности, что пришлось телѣги побросать и, кое какъ навьючивъ лошадей, идти самимъ пѣшкомъ. Наконецъ они пришли къ бурной рѣчкѣ Кабѣ, которую надо переходить умѣючи и осторожно. Неопытные люди погнали прямо черезъ рѣчку и выучныхъ лошадей, и скотъ, но теченіе было такое сильное, что мелкій скотъ сразу понесло и много его пропало, лошади тоже были сбиты, такъ что часть имущества пропала и, если не было несчастій съ людьми, такъ только благодаря тому, что они сначала хотѣли перевезти вещи. Кержаки ихъ выручили. Но когда прибыли въ деревню, то увидѣли, что не хватаетъ самого дряхлаго старика. Дідъ? но въ дорогѣ никто діда не помнилъ и не знали, былъ-ли онъ на переправѣ или нѣтъ. Бросились искать на переправѣ,

и на перевалѣ, но такъ дѣла и не нашли. Всѣ эти передвижки такъ на нихъ подѣйствовали, что вскорѣ же они отправились назадъ.

Не знаю, были-ли послѣ неудачи хохловъ попытки со стороны россійскихъ переселенцевъ пробраться на Кабу, но думаю, что устройство ихъ здѣсь дѣло вполне осуществимое, но только обосновавшимся тутъ придется вести не земледѣльческое хозяйство, а скотоводческое, во 1-хъ, потому, что урожаи вслѣдствіе высоты мѣста невѣрны, а во 2-хъ, и сбыта хлѣбу нѣтъ, особенно при томъ условіи, что придется везти его вьюкомъ, а на лошадь больше 6 пуд. не положить. Другое дѣло скотоводство: скотъ самъ себя доставитъ на рынокъ, и масло, производство котораго съ каждымъ годомъ захватываетъ болѣе широкій районъ, настолько дорогой продуктъ, что выдержать свободно вьючную доставку до р. Чернаго Иртыша, откуда оно могло-бы идти по водѣ до Омска, или въ ст. Алтайскую и оттуда на прииски, гдѣ всегда обезпеченъ хорошій сбытъ.

Мнѣ думается, впрочемъ, что нѣтъ особенно побудительныхъ причинъ желать устройства въ этомъ краѣ непременно переселенцевъ изъ-за Урала, когда рядомъ, подъ бокомъ, имѣются прекрасные колонизаторы подобныхъ мѣстностей въ лицѣ алтайскихъ крестьянъ и кержаковъ, главнымъ образомъ, которымъ теперь, въ силу дѣйствующихъ правилъ о переселеніи, запрещено переселяться въ Степной край. Запрещеніе это, продиктованное, повидимому, тѣмъ соображеніемъ, что Томская губернія сама является райономъ водворенія переселенцевъ и что нѣтъ основаній допускать переселенія изъ нея въ Степной край, который и безъ того не можетъ удовлетворить всѣхъ переселенцевъ изъ Россіи, кажется мнѣ глубоко ошибочнымъ. Дѣло въ томъ, что если крестьянинъ, все равно—россійскій или алтайскій, бросаетъ свое насиженное мѣсто, такъ—значитъ,—его толкаютъ какія нибудь важныя соображенія, ибо ни съ чѣмъ такъ трудно онъ не расстаётся, какъ именно съ землею. Каковы причины, побуждающія его уходить—малоземелье, или что иное, вопросъ, въ данномъ случаѣ не имѣющій значенія,—важенъ самый фактъ. И разъ существуетъ такое движеніе съ Алтая, задерживать его запрещеніями не слѣдуетъ, да врядъ ли и возможно:—тѣ, которымъ надо уйти, уйдутъ во всякомъ

случаѣ. Разрѣшеніе алтайскимъ крестьянамъ селиться въ пограничныхъ съ Китаемъ мѣстностяхъ необходимо тѣмъ болѣе, что безлюдный теперь край заселится наиболѣе подходящими къ мѣстнымъ условіямъ поселенцами, а въ то же время оставленныя ими земли могутъ быть заняты переселенцами изъ-за Урала, что, по рассказамъ кержаковъ съ Кабы, уже и было.

Я былъ на Кабѣ лѣтомъ 1899 г. и при мнѣ въ поселкахъ кержаковъ не было никого изъ постороннихъ. Въ разговорахъ съ ними я услышалъ не мало любопытнаго и кое-что хочу рассказать здѣсь.

Кержакамъ уже давно извѣстны эти мѣста, какъ и вообще вся округа на сотни верстъ отъ ихъ селъ въ Алтаѣ. Они положительно изучили эту округу, отчасти гоняясь за звѣремъ, отчасти разыскивая „Бѣловодье“, ту обѣтованную страну, въ которой царитъ древнее благочестіе, нѣтъ „нечистыхъ“, а вся природа, всякая тварь хвалитъ Творца и служитъ избраннымъ, придерживающимся старой, истинной вѣры. По „описанью“ эта земля обѣтованная находится „въ японскомъ царствѣ, на рѣкѣ Ефраторѣ о 4-хъ руслахъ“. Въ докладѣ г. Шмурло о поѣздкѣ въ эти поселки, напечатанномъ въ „Изв. И. Р. Г. О.“, кажется, за 1898 годъ, рассказана исторія скитанія нѣсколькихъ семей въ поискахъ Бѣловодья и поистинѣ нужно удивляться массѣ энергіи, смѣлвости и замѣчательной настойчивости въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, проявленными этими бѣловодцами. Но, признаюсь, на меня, за тѣ 5—6 дней, что я провелъ среди нихъ, они произвели положительно удручающее впечатлѣніе. Ихъ нескрываемое отвращеніе ко мнѣ и моимъ спутникамъ, изъ которыхъ одинъ былъ киргизъ, отвращеніе, основанное на томъ, что всѣ мы невѣрные, и стало быть, поганые, и выражавшееся въ томъ, что для насъ была отдѣльная посуда, особое помѣщеніе, что къ намъ старались по возможности не прикасаться и насъ не пригласили ни въ одну избу во всѣхъ 3-хъ деревняхъ, — обстоятельство весьма необычайное для гостепріимнаго крестьянства; ихъ тонъ высокомѣрной снисходительности удостоившихся познать истинную благодать, усвоенный по отношенію ко всѣмъ невѣрнымъ, ихъ угрюмая замкнутость, — все это дѣйствовало какъ-то угнетающе и не располагало къ близости. Въ ихъ ученіи нѣтъ ни

искры живой мысли, все основано на слѣпомъ слѣдованіи старинѣ, на старыхъ книгахъ, на двуперстномъ знаменіи и на разныхъ крючкотворствахъ, которыя познаются изученіемъ „на зубокъ“ этихъ старыхъ книгъ. Помню, что я спросилъ ихъ духовнаго главу, когда мы остались наединѣ,—въ чемъ-же заключается ихъ ученіе, и онъ отвѣчалъ мнѣ вопросомъ: „а ты *Кормчаго* читалъ?“—„Нѣтъ, не читалъ“.—„А эту(онъ назвалъ какое-то мудреное заглавіе) читалъ?“—„Нѣтъ, не читалъ“.—„Ну, такъ тебѣ не понять!“ Не понравилось также мнѣ въ нихъ какая-то черствость, жестокость. Я спрашивалъ ихъ, какъ они живутъ съ киргизами? „Да такъ-то ничо, ладно... съ началу-то тоже пытали они насъ учить, да мы ихъ самихъ научили“.—Какъ-же это? спрашиваю.—„Да, тамъ всяко бывало“, послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ и я подумалъ, что киргизамъ, вѣроятно, не поздоровилось отъ этой науки. „Однава ѣхалъ это я на лошади домой“, рассказывалъ одинъ изъ нихъ, „а ужъ поздно было. Вдругъ нагоняють меня двое, поровнялись со мной; одинъ-то ка-акъ дастъ мнѣ по башкѣ палкой, я такъ съ лошади и хлопъ на земь... и начали они меня бить... я думалъ, что и смерть тутъ приму, да на счастье мое, одинъ изъ нихъ взглядѣлся въ меня и призналъ“,—„ай-бай“, говоритъ другому по своему,—„это Александра изъ Балыкты-булаки...“ Сѣли они на коней, да у убѣжали и лошадь мою не взяли... Испугались, стало быть“.

Всеѣ они охотники, и рассказы ихъ въ этой области неистощимы, но рассказываютъ они о своихъ охотничьихъ приключеніяхъ такъ просто, что чувствуется, что это самая обыденная жизнь для нихъ. Помню, одинъ старикъ лѣтъ подъ 60 снялъ шапку и говоритъ: „вотъ, пощупай, что медвѣдь мнѣ сдѣлалъ“. Я приложилъ руку къ его головѣ и невольно отдернулъ—вся кожа была въ бороздахъ чуть не въ палецъ глубиною.—„Какъ-же это онъ тебя?“—„Да сгребъ, язви его въ душу, подъ себя, близко больно стрѣлилъ я въ него, да лапой-то кожу и снялъ, а потомъ и подохъ, какъ еще меня-то не задавилъ... Ладно, что товарищи скоро пришли, а то бы и мнѣ не быть живу“.—„Ну, что-жъ ты послѣ того бросилъ на медвѣдя ходить?“ спрашиваю.—„Зачѣмъ бросилъ, какъ понравился, такъ сразу пошелъ; только ужъ потомъ хитрѣе былъ“.

Ловкость, смѣтливость, находчивость, предприимчивость — всѣ эти особенности положительнаго свойства развиты въ нихъ въ сильной степени. Я не буду повторять разсказа г. Шмурло о поискахъ Бѣловодья въ теченіе долгаго ряда лѣтъ цѣлой группой, человѣкъ въ 40, съ женщинами и дѣтьми; это былъ какой-то подвигъ; судя по разсказамъ, они должны были подходить чуть-ли не къ Гималаямъ. Я разскажу другой случай, менѣе грандіозный, но тоже небезынтересный. Мнѣ случилось быть въ пос. Берель, это крайній поселокъ по р. Бухтармѣ, также недалеко отъ китайской границы. Остановился я съ моими спутниками въ избѣ богатаго крестьянина. Первое, что меня поразило, когда я вошелъ въ сѣни съ большими окнами— это масса роговъ, привязанныхъ къ потолку. „Что это?“— „А это маральи рога сушатся“. „Экая масса“, мелькнуло у меня.— „Это не всѣ“, какъ бы отвѣчая на мою мысль, сказала женщина, провожавшая меня,—тамъ у насъ еще сушатся, шибко много“.

Въ комнатахъ, очевидно, нежилыхъ, не было ничего особеннаго; неудобные клеенчатые стулья и диванъ, покосившійся столъ и зеркало въ углу на столикѣ, вродѣ туалетнаго. На столикѣ лежали книжки и тетради. Я посмотрѣлъ книжки. Оказались учебники ариѳметики, географіи, грамматики и друг. Но каково-же было мое удивленіе, когда дальше я нахожу англійско-русскій словарь Рейфа и учебникъ англійскаго языка по методѣ Робертсона. Въ первую минуту я подумалъ, что они принадлежатъ какому-нибудь ссыльному, но потомъ вспомнилъ, что насъ никто объ этомъ не предупреждалъ. Вошедшій хозяинъ разъяснилъ мнѣ: — „а это мальчишка мой учится“.— „Зачѣмъ-же это ему?“ удивился я.— „А видите-ли, я маралами занимаюсь, ну, и узналъ, что никакого расчёту нѣтъ продавать ихъ здѣшнимъ купцамъ, а что нужно въ Китай везти. Вотъ я и снарядилъ караванъ, да и повезъ рога свои, да и чужихъ много забралъ и доѣхали мы до самой Англіи (!) и тамъ только товаръ свой продали“.— „Ну, и что-же, выгодно?“— „Гораздо выгоднѣе, чуть что не вдвое противъ здѣшняго. Только бѣда намъ была безъ языка безъ аглицкаго, ни счета ихняго не понимаемъ, ничего. Вотъ я и надумалъ: дома у меня есть мальчишка, надо его обучить хоть мало-мало, а потомъ свезти въ Англію, да тамъ

и оставить, тогда ужъ мы съ языкомъ легко дѣло сдѣлаемъ...” Мнѣ было очень досадно, что не удалось разспросить о подробностяхъ этого путешествія, которое продолжалось два года. Какъ никакъ, а нужно было не мало предпримчивости, чтобы рѣшиться на такое путешествіе.

Таковы кабинскіе кержаки. Долженъ, впрочемъ сказать, что даже въ этихъ 3 деревняхъ, повидимому, крѣпкихъ своею духовною связью, своею старою вѣрою, мнѣ случалось подмѣчать нѣкоторый протестъ, выражавшійся то въ видѣ осужденія своего духовнаго руководителя, то въ видѣ нарушенія такихъ обычаевъ, какъ питье чая: „водку жрутъ, а чай, вишь, отъ сатаны!..“ и т. п. Весьма вѣроятно, что наиболѣе крѣпкіе хранители старой вѣры не выдержатъ и вновь отправятся въ болѣе глухія мѣста разыскивать Бѣловодье. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ же поселкахъ я слышалъ; что гдѣ-то за Краномъ (Кранъ—притокъ Чернаго Иртыша въ предѣлахъ Китая) уже существуетъ поселокъ „выходцевъ изъ Алтая“ бѣловодцевъ. Но уйдутъ не всѣ. Болѣе спокойные, сомнѣвающіеся, останутся, не бросая насиженныхъ мѣстъ, на приведеніе которыхъ въ культурный видъ потрачено не мало трудовъ.

Л. Чермакъ.